

РУСИФИКАЦИЯ КАК СРЕДСТВО РЕШЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ВОПРОСА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

Е. Г. ЛУФЕРЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Республика Беларусь

Анализируется содержание понятия «русификация», раскрывается сущность политики, проводимой правительством Российской империи для решения польского вопроса в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Реконструируется понимание данной политики, отраженное в периодической печати во второй половине XIX – начале XX в. Делается вывод о том, что в регионе проводились дифференцированные мероприятия, направленные на ассимиляцию, аккультурацию и сегрегацию различных этнических групп. Отмечено, что периодика характеризовалась плюрализмом в определении целей политического курса русификации.

Ключевые слова: русификация; польский вопрос; периодическая печать; Российская империя; историография.

RUSSIFICATION AS A WAY OF SOLUTION OF THE POLISH QUESTION (the second half of the XIX – early XX century)

Y. G. LUFERCHYK^a

^aBelarusian State University, Nezavisimosti avenue, 4, 220030, Minsk, Republic of Belarus

The article analyses the content of the term russification and the policy of the Russian Government in the Kingdom of Poland and the Northwestern Krai. In addition, the article reconstructs the understanding this policy in the periodical press in the second half of the nineteenth – early of the twentieth century. It is concluded that the Government of the Russian Empire conducted different activities in the region, which were aimed to assimilation, acculturation and segregation of different ethnic groups. The periodical press is characterised by pluralism in defining the goals of the Russification policy.

Key words: the russification; Polish question; periodical press; Russian Empire; historiography.

Одной из наиболее дискуссионных тем, связанных с политикой властей Российской империи, проводимой на окраинах, является вопрос о так называемом обрусении местного населения, или русификации. В историографии представлены полярные подходы к определению цели такой политики, ее обоснованности и результативности, а также роли в процессе этнического самоопределения народов окраинных земель. Исследователи отмечают необходимость детализировать содержание понятия «русификация», высказываются предложения вовсе отказаться от его употребления [1, р. 540; 2, с. 55].

Цель данной статьи – на основе анализа современной историографии раскрыть содержание понятия «русификация», а также определить направления правительственного курса при решении польского вопроса в Царстве Польском и Северо-Западном крае. Понимание задач русификации в решении польского вопроса реконструировано на материале российской периодической печати второй половины XIX – начала XX в.

Образец цитирования:

Луферчик Е. Г. Русификация как средство решения польского вопроса во второй половине XIX – начале XX в. // Весн. БДУ. Сер. 3, Гісторыя. Эканоміка. Права. 2016. № 3. С. 21–26.

For citation:

Lufurchyk Y. G. Russification as a way of solution of the Polish question (the second half of the XIX – early XX century). *Vesnik BDU. Ser. 3, Gistoryja. Jekanomika. Prava.* 2016. No. 3. P. 21–26 (in Russ.).

Автор:

Евгений Георгиевич Луферчик – аспирант кафедры истории России исторического факультета. Научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Сергеевкова.

Author:

Yauheni Lufurchyk, postgraduate student at the department of the Russian history, faculty of history.
luf:zh@mail.ru

В историографии русификация, как правило, связывается с национальной политикой Российской империи в целом. Существуют различные точки зрения на данную проблему, однако наиболее авторитетным признается мнение, согласно которому единой национальной политики в государстве не существовало, так как в отношении конкретных этнических групп она формировалась по-разному и действовала на протяжении определенных временных отрезков [3, с. 203; 4, с. 131]. Однако если исходить из анализа принципов и целей политики российского правительства применительно к различным этническим группам, то все же можно выделить в ней некоторые общие характеристики. Так, целью национальной политики в Российской империи, опиравшейся на принципы самодержавной власти и сословности, являлась стабилизация и безопасность господствующего режима, т. е. сохранение территориального и политического *status quo*. Достичь этого правительство стремилось за счет обеспечения лояльности местного населения, в первую очередь политической и социальной элиты, и доминирования русских в национально-государственных отношениях. Исходя из данного базиса, правительство осуществляло специфические мероприятия по отношению к разным этническим группам. Комплекс мер по их аккультурации и ассимиляции, а также унификации и интеграции окраин империи получил название «русификация».

Детальное изучение этого процесса, основанное на ситуационном подходе, предпринимается в рамках новой истории империй, или империологии, объединившей исследовательский потенциал разных специалистов вокруг феномена империи. Сторонники данного направления, порывая с этноцентризмом национально-государственной традиции в историографии, доказывают, что русификация была моделью достижения политической надежности и лояльности этнических групп к империи. При этом приоритетом государства являлось не насаждение культурной и языковой гомогенности населения окраин [2, с. 80; 5, р. 475–476]. Как отмечает Дж. Хоскинг, целью политики русификации было достижение централизации власти путем устранения местных привилегий и других законодательных особенностей, а также придание всем народам Российской империи ощущения принадлежности к России, ее прошлому и традициям [6, р. 367]. Для этого правительство применяло дифференцированные решения по отношению к различным этническим группам. Исследователь Э. Таден рассматривал три варианта русификации: незапланированная, являвшаяся следствием естественного процесса принятия русской культуры и языка; административная, выражавшаяся в правовой и институциональной интеграции окраин в единый организм империи; культурная, заключавшаяся в преднамеренном стремлении правительства сменить этническую идентичность покоренных народов [7, р. 7–8]. В работах А. И. Миллера в имперской практике выделяются добровольная и принудительная, языковая и административная русификация, а также русификация элит и масс; кроме того, показано проявлявшееся в некоторых случаях стремление властей формировать этническую идентичность [2, с. 80].

Наше понимание русификации, совпадающее с мнением В. В. Сергеевской и С. Н. Ходина [8, с. 136], заключается в том, что данный термин определяет сущность политики Российской империи в отношении национальных групп, проживавших на окраинах государства. Она выражалась в стремлении к их ассимиляции, аккультурации и сегрегации, а также интеграции и унификации политико-административного режима на окраинах империи.

В исторической литературе закрепилось мнение, согласно которому впервые в истории Российской империи цель культурно-языкового обрусения была открыто поставлена только в 1860-х гг. по отношению к полякам, украинцам, белорусам и литовцам [3, с. 114, 190]. Однако более детальное знакомство с особенностями политики в области образования на территории белорусских губерний свидетельствует о том, что уже в период правления Николая I она была направлена не просто на унификацию образовательного пространства империи, а на сближение местного населения с коренными русскими [9, с. 52–54; 10, с. 114]. Публикации в общественно-политических журналах начала XX в. подтверждают тот факт, что началом русификации западной окраины в целях решения здесь польского вопроса современники считали 1831 г. [11, с. 172]. После восстания 1863–1864 гг., охватившего всю западную часть империи, политика русификации была лишь интенсифицирована, что связано со стремлением властей сохранить целостность территорий и границ. Стоит отметить, что российское правительство не имело единой стратегии решения польского вопроса во второй половине XIX – начале XX в., поэтому периоды усиления русификации чередовались с этапами значительных отступлений от декларируемых принципов.

Особый статус западной периферии был обусловлен нерешенным здесь польским вопросом. Специфика политики российского правительства, проводимой на западных окраинах, проявлялась в борьбе со стремлениями поляков к восстановлению национальной государственности и территориальной целостности в пределах Речи Посполитой до ее разделов и противодействию властей идее геополитической миссии поляков в процессе объединения славян Восточной Европы (так называемый польский

имперский проект). С точки зрения российского правительства и общества в целом данная проблема была актуальной на этнических польских территориях (Царство Польское) и в так называемом Западном крае, составлявшем в конце XVIII в. восточную часть Речи Посполитой. Осознав в 1863–1864 гг. угрозу стабильности Российской империи, исходившей от нерешенного польского вопроса, правительство прибегло к усилению русификации.

В историографии уже отмечалось, что для правительственных структур не было характерно употребление термина «русификация», а контекст понимаемых под ним мероприятий являлся размытым [5, р. 482; 12, р. 300]. Такое положение наблюдалось и в периодической печати, где широко использовали понятие «обрусение», имея в виду и политику насаждения русского языка и культуры, и процесс их восприятия этническими группами или отдельными лицами.

Наступившая во второй половине XIX в. русификация восточнославянского населения Северо-Западного края и униатов Холмско-Подляшского региона Царства Польского предполагала их деполонизацию и ассимиляцию (культурную русификацию). Целью данной политики было распространение русской национальной и православно-религиозной идентичности на местное население, которое правительство провозгласило русским, приближение его к общероссийскому стандарту, нивелирование отличительных черт развития [5, р. 475; 13, р. 50; 14, с. 21]. Инструментами ассимиляции являлись язык, образование, религия, система государственных учреждений, а также административный режим исключительных законов, вступающих в противоречие с правительственным стремлением к унификации действующего в регионе законодательства. Задача полного единения восточнославянского населения была полностью поддержана периодикой, дискуссии вызывали лишь методы ее осуществления [15, с. 445; 16, с. 591, 619; 17, с. 898; 18, с. 221].

В периодических изданиях отмечалось, что русификация Северо-Западного края была несовместима с «процветанием латино-польской интриги», «искусственным преобладанием пришлых элементов»; обосновывалась необходимость освободить «туземные массы от их нравственного угнетения», а также утвердить «общерусские начала» и осуществить их «полное внутреннее объединение с общерусским центром» [18, с. 227; 19, с. 27; 20, с. 203]. В результате по отношению к полякам в Северо-Западном крае русификация приобрела форму их сегрегации и дискриминации, целью которой являлась изоляция польской культуры и минимизация ее влияния на местное население [5, р. 479–480; 14, с. 25]. Выступая с критикой такой политики, публицист М. П. Драгоманов в 1872 г. писал о том, что проводимое обрусение и борьба с польским влиянием представляли собой сизифов труд [21, с. 239]. Из-за непоследовательности политического курса ассимиляция не была проведена и позже. В начале XX в. журнал «Русский вестник» все еще отмечал, что исторической задачей России является не просто «собираение русских земель в пределах русского племени», а этнографическое и культурное их объединение «путем постепенной ассимиляции инородцев, путем охранения туземного, исконного населения от позднейших пришельцев и восстановления в их взаимных отношениях нравственной справедливости» [22, с. 199].

Решение польского вопроса в Царстве Польском связывалось с русификацией его населения в форме аккультурации. Она преследовала цель распространения русского языка как второго родного, а также воспитания патриотизма и династической лояльности через формирование в сознании местного населения элемента государственной принадлежности к Российской империи [5, р. 488; 13, р. 50; 23, с. 12–13, 26]. В 1884 г. в журнале «Наблюдатель» отмечалось, что «государственная мудрость» и правительственная задача заключались в том, «чтобы как можно скорее собрать, соединить, слить <...> племена в одну семью, сильную сознанием своего единства и нравственной солидарности» [24, с. 21].

Другим проявлением русификации Царства Польского стала его интеграция (административная русификация), предполагавшая ликвидацию самостоятельных органов власти и замену польского языка на русский в сфере делопроизводства и преподавания, что было необходимо для функционирования государства как единого организма и обеспечения его управляемости [5, р. 481; 25, с. 3–4]. Такой курс нашел поддержку, в частности, на страницах журнала «Отечественные записки» [26, с. 53; 27, с. 183, 186].

Несмотря на то что правительство официально не преследовало цель смены национальной и религиозной идентичности поляков в Царстве Польском [5, р. 472, 481; 14, с. 24; 28, р. 143], в периодике такие пожелания неоднократно высказывались. В 1872 г. публицист В. Спасович открыто выступал за соединение поляков и русских в одну «этнографическую народность» [29, с. 743]. В 1898 г. редакция журнала «Наблюдатель» заявляла о том, что «не путем уступок Россия будет добиваться примирения с польским народом, а лишь путем ассимиляции, путем объединения всего населения великой империи» [30, с. 34].

Оппонируя подобным выступлениям, в 1881 г. историк Н. И. Кареев высказывался против ряда правительственных мер, которые считал попытками «денационализации» поляков [31, с. 59; 32, с. 5].

Большинство периодических изданий также озвучивали призывы отказаться от «немыслимой» и «неисполнимой» идеи смены национальной идентичности польского народа, сосредоточиться на развитии гражданского патриотизма поляков, которые в силу их исторического развития, как утверждали авторы таких статей, никогда не откажутся от своей культуры и языка [33, с. 374; 34, с. 947; 35, с. 952, 955; 36, с. 892–895]. По мнению редакции «Вестника Европы», целью русской политики в Царстве Польском должно было стать создание в нем «сильной народной польской среды», которая являлась бы «союзницей» российского правительства [33, с. 377].

Результативность русификации как средства решения польского вопроса вызывала дискуссии уже в период ее осуществления. В современной историографии также представлены полярные мнения. Так, например, можно согласиться с утверждением Ю. А. Борисёнка, согласно которому практическое воплощение правительственных планов и проектов русификации проходило гораздо менее активно, чем их обсуждение [37, с. 150]. С другой стороны, выводы В. Н. Кутявина, А. В. Репникова, А. Ф. Смоленчука о том, что русификация привела к ослаблению имперской составляющей русской государственности и приблизила крах империи, выглядят достаточно категорично и еще требуют своего доказательства [38, с. 96; 39, с. 310; 40, с. 6]. Применительно к польскому вопросу можно утверждать, что направленная русификация скорее имела обратный эффект, объединяя католическое и польскоязычное население как Царства Польского, так и белорусско-литовских губерний и способствуя формированию собственных национальных проектов.

Неоднозначно политика русификации оценивается и при определении ее влияния на процесс национального самоопределения белорусов. Одни историки полагают, что русификация объективно содействовала этническому самоопределению белорусов и активизации белорусского национального движения [8, с. 137; 14, с. 22, 24]. Другие исследователи указывают, что такая политика решения польского вопроса тормозила национальные процессы среди белорусов и литовцев и при этом укрепляла восточноевропейский вектор цивилизационного развития Беларуси [40, с. 6, 16]. Высказывается также мнение о том, что только благодаря непоследовательности в проведении политики по уничтожению этнокультурного образа жизни белорусов они смогли, хоть и с опозданием, развить свою национальную идею [41, с. 192]. Пожалуй, стоит отметить, что прямым следствием русификации белорусов стала их диссимилиация, т. е. выраженное предпочтение конструирования собственной национальной идентичности вместо заимствования и усвоения чужой (русской или польской). Кроме того, сопутствующим фактором, если не прямым следствием, русификации Северо-Западного края стало появление польскоязычного региона на белорусско-литовском этническом пограничье (Вильно – Ковно – Двинск) и формирование идеологии краевости в третьей четверти XIX в.

Таким образом, можно сделать вывод об отсутствии у имперских властей четкой стратегии в решении польского вопроса. В целях достижения различных результатов управления западной периферией Российской империи правительство осуществляло дифференцированную политику русификации. По отношению к коренному населению Царства Польского ставилась задача его постепенной аккультурации, на что были направлены деятельность государственных учреждений, применение языковых инструментов и механизмов системы образования. Кроме того, само Царство Польское интегрировалось в состав империи, ликвидировались отличия от центра в сферах управления, делопроизводства и законодательства. По отношению к восточнославянскому населению Северо-Западного края и униатам Холмско-Подляшского региона Царства Польского правительство стремилось осуществить национально-культурную ассимиляцию. К полякам, проживавшим в данных регионах, применялась политика сегрегации и дискриминации. Однако в целом русификация не была последовательной, отличалась противоречивостью применяемых методов, в результате чего поставленные задачи не были достигнуты.

В российской общественно-политической периодической печати высказывались различные мнения о способах решения польского вопроса. На страницах одного издания могли быть представлены различные подходы к пониманию сути русификации западной периферии, определению необходимых мероприятий по ее осуществлению. Кроме того, давались различные оценки ее результативности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. *Weeks Th. R.* Defending Our Own: Government and the Russian Minority in the Kingdom of Poland, 1905–1914 // *Russ. Rev.* 1995. Oct., vol. 54. P. 539–551 [Weeks Th. R. Defending Our Own: Government and the Russian Minority in the Kingdom of Poland, 1905–1914. *Russ. Rev.* 1995. Oct., vol. 54. P. 539–551 (in Engl.)].
2. *Миллер А.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М., 2006.
3. *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2000.

4. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопр. истории. 1995. № 9. С. 130–142 [Dyakin V. S. Natsional'nyi vopros vo vnutrennei politike tsarizma XIX v.). *Vopr. istorii*. 1995. No. 9. P. 130–142 (in Russ.)].
5. Weeks Th. R. Russification: Word and Practice. 1863–1914 // Proc. Am. Philos. Soc. 2004. Vol. 148, № 4. P. 471–489 [Weeks Th. R. Russification: Word and Practice. 1863–1914. *Proc. Am. Philos. Soc.* 2004. Vol. 148, No. 4. P. 471–489 (in Engl.)].
6. Hosking G. Russia: people and empire, 1552–1917. Cambridge, 1997.
7. Thaden E. C. Introduction // Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton, 1981. P. 3–12.
8. Сяргееўкава В., Ходзін С. Русіфікацыя // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. Мінск, 2001. Т. 6. С. 136–137.
9. Ігнатовец Л. М. Русификация системы образования в Белорусском учебном округе: итоги и оценки // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Мінск, 2013. Вып. 8. С. 52–54 [Ihnatovec L. M. Russification of education in the Belarusian school district: results and evaluation. *Pracy gistorychnaga fakul'tjeta BDU* : navuk. zb. Minsk, 2013. Vol. 8. P. 52–54 (in Russ.)].
10. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред.: Т. Ю. Красовицкая, В. А. Тишков. М., 2012.
11. Мясотин В. По поводу военного положения в Польше // Рус. богатство. 1905. № 10. С. 168–175 [Myakotin V. Po povodu voennogo polozheniya v Pol'she. *Rus. bogatstvo*. 1905. No. 10. P. 168–175 (in Russ.)].
12. Staliūnas D. Making Russians. Meaning and Practice of Russification in Lithuania and Belarus after 1863. Amsterdam ; N. Y., 2007.
13. Rodkiewicz W. Russian Nationality Policy in the Western Provinces of the Empire, 1863–1905. Lublin, 1998.
14. Каханюўскі А. Г. Уніфікацыя і русіфікацыя як накірункі ўрадавай палітыкі на тэрыторыі Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX ст. // Российские и славянские исследования : науч. сб. Минск, 2011. Вып. 6. С. 20–26 [Kahanouski A. G. The unification and russification as the direction of government policy in Belarus in the second half of XIX – early XX century. *Rossiiskie i slavyanskije issledovaniya* : nauchn. sb. Minsk, 2011. Vol. 6. P. 20–26 (in Belarus.)].
15. Ежедневная хроника. 1 сентября 1868 // Вестн. Европы. 1868. Т. 5, кн. 9. С. 442–465 [Ezhednevnyaya khronika. 1 sentyabrya 1868. *Vestnik Evr.* 1868. Vol. 5, issue 9. P. 442–465 (in Russ.)].
16. Истомин В. А. Народная школа в губерниях Привислинского края (очередные вопросы в Привислинском крае) // Рус. вестн. 1903. Т. 288, кн. 12. С. 591–619 [Istomin V. A. Narodnaya shkola v guberniyakh Privislinskogo kraja (ocherednye voprosy v Privislinskom krae). *Rus. vestnik*. 1903. Vol. 288, issue 12. P. 591–619 (in Russ.)].
17. К 40-летию русской Вильны (Письмо из Вильны) // Рус. вестн. 1904. Т. 292, кн. 8. С. 894–899 [K 40-letiyu russkoi Vil'ny (Pis'mo iz Vil'ny). *Rus. vestnik*. 1904. Vol. 292, issue 8. P. 894–899 (in Russ.)].
18. Русское землевладение в Северо-Западном крае // Рус. вестн. 1905. Т. 297, кн. 5. С. 215–231 [Russkoe zemlevladienie v Severo-Zapadnom krae. *Rus. vestnik*. 1905. Vol. 297, issue 5. P. 215–231 (in Russ.)].
19. Липранди А. П. Русское дело в Западном крае : в 20 ч. Ч. 1–6 // Наблюдатель. 1895. № 4. С. 26–48 [Liprandi A. P. Russkoe delo v Zapadnom krae : in 20 parts. Parts 1–6. *Nablyudatel'*. 1895. No. 4. P. 26–48 (in Russ.)].
20. Истомин В. Очередные вопросы в Привислинском крае. Образование Холмской губернии как осуществление исторической правды по отношению к Западной Руси // Рус. вестн. 1903. Т. 285, кн. 5. С. 183–203 [Istomin V. Ocherednye voprosy v Privislinskom krae. Obrazovanie Kholmsskoi gubernii kak osushchestvlenie istoricheskoi pravdy po otnosheniyu k Zapadnoi Rusi. *Rus. vestnik*. 1903. Vol. 285, issue 5. P. 183–203 (in Russ.)].
21. [Драгоманов М. П.] Восточная политика Германии и обрусение : в 12 ч. Ч. 10–12 // Вестн. Европы. 1872. Т. 3, кн. 5. С. 210–253 [Dragomanov M. P. Vostochnaya politika Germanii i obrucenie : in 12 parts. Parts 10–12. *Vestnik Evr.* 1872. Vol. 3, issue 5. P. 210–253 (in Russ.)].
22. Истомин В. Очередные вопросы в «Царстве Польском» // Рус. вестн. 1902. Т. 282, кн. 11. С. 194–215 [Istomin V. Ocherednye voprosy v «Tsarstve Pol'skom». *Rus. vestnik*. 1902. Vol. 282, issue 11. P. 194–215 (in Russ.)].
23. Нугалатий М. Е. Правительственная политика в области образования в Царстве Польском в 60-е – сер. 70-х гг. XIX в.: начальное и среднее образование : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2009.
24. Наши внутренние дела. 15 октября 1884 // Наблюдатель. 1884. № 10. С. 12–32 [Nashi vnutrennie dela. 15 oktyabrya 1884. *Nablyudatel'*. 1884. No. 10. P. 12–32 (in Russ.)].
25. Лопатина Е. Б. Политика Российской империи в польском вопросе в 1880–1890-е гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03. М., 2011.
26. Политическая хроника. С.-Петербург. 8-го марта // Отеч. зап. 1867. Т. 171, № 3. С. 48–71 [Politicheskaya khronika. S.-Peterburg. 8-go marta. *Otechestvennyye zap.* 1867. Vol. 171, No. 3. P. 48–71 (in Russ.)].
27. Политическая хроника. 22 июня // Отеч. зап. 1867. Т. 172, № 6. С. 181–202 [Politicheskaya khronika. 22 iyunya. *Otechestvennyye zap.* 1867. Vol. 172, No. 6. P. 181–202 (in Russ.)].
28. Dolbilov M. Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region // 21st Century COE Program. Slav. Eurasian Stud. 2007. № 13. P. 141–158 [Dolbilov M. Russian Nationalism and the Nineteenth-Century Policy of Russification in the Russian Empire's Western Region. *21st Century COE Program. Slav. Eurasian Stud.* 2007. No. 13. P. 141–158 (in Engl.)].
29. Спасович В. Польские фантазии на славянофильскую тему // Вестн. Европы. 1872. Т. 4, кн. 8. С. 738–758 [Spasovich V. Pol'skie fantazii na slavyanofil'skuyu temu. *Vestnik Evr.* 1872. Vol. 4, issue 8. P. 738–758 (in Russ.)].
30. Наши внутренние дела // Наблюдатель. 1898. № 2. С. 26–39 [Nashi vnutrennie dela. *Nablyudatel'*. 1898. No. 2. P. 26–39 (in Russ.)].
31. [Кареев Н. И.] Польские письма. Письмо второе // Рус. мысль. 1881. № 5. С. 59–65 [Kareev N. I. Pol'skie pis'ma. Pis'mo vtogo. *Rus. mysl'*. 1881. No. 5. P. 59–65 (in Russ.)].
32. [Кареев Н. И.] Польские письма. Письмо третье // Рус. мысль. 1881. № 8. С. 1–9 [Kareev N. I. Pol'skie pis'ma. Pis'mo tret'e. *Rus. mysl'*. 1881. No. 8. P. 1–9 (in Russ.)].
33. Внутреннее обозрение. 1 мая 1872 г. // Вестн. Европы. 1872. Т. 3, кн. 5. С. 363–390 [Vnutrennee obozrenie. 1 maya 1872 g. *Vestnik Evr.* 1872. Vol. 3, issue 5. P. 363–390 (in Russ.)].
34. [Лопатинский Л. Г.] Новейшая польская журналистика. Письмо в редакцию // Вестн. Европы. 1873. Т. 1, кн. 2. С. 932–947 [Lopatinskii L. G. Noveishaya pol'skaya zhurnalistika. Pis'mo v redaktsiyu. *Vestnik Evr.* 1873. Vol. 1, issue 2. P. 932–947 (in Russ.)].

35. [Лопатинский Л. Г.] Варшавские письма. Письмо второе // Вестн. Европы. 1873. Т. 2, кн. 4. С. 944–958 [Lopatin-skii L. G. Varshavskie pis'ma. Pis'mo vtoroie. *Vestnik Evr.* 1873. Vol. 2, issue 4. P. 944–958 (in Russ.)].

36. Письма из провинции. Варшава. Ноябрь 1882 // Вестн. Европы. 1882. Т. 6, кн. 12. С. 887–901 [Pis'ma iz provintsii. Varshava. Noyabr' 1882. *Vestnik Evr.* 1882. Vol. 6, issue 12. P. 887–901 (in Russ.)].

37. Борисёнок Ю. А. Белорусские земли между Польшей и Россией – от разделов Речи Посполитой до окончания Второй мировой войны (1772–1945 годы) // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 148–159 [Borisenok Y. A. Belarusian lands between Poland and Russia – from the partition of Polish-Lithuanian Commonwealth before World War II (1772–1945). *Nov. i noveish. istoriya.* 2015. No. 5. P. 148–159 (in Russ.)].

38. Кудряшев В. Н. Консервативно-утопическая интерпретация русификаторской политики в конце XIX – начале XX в. // Вестн. Том. гос. ун-та. 2007. № 296. С. 96–101 [Kudrashov V. N. Conservative utopian interpretation of Russification policy in the late XIX – early XX century. *Vestnik Tomsk. Gos. Univ.* 2007. No. 296. P. 96–101 (in Russ.)].

39. Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

40. Смалянчук А. Ф. Польські грамадска-палітычны рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864–1917 гады : аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук : 07.00.02. Мінск, 2002.

41. Лыч Л. М. Антынацыянальная палітыка царызму ў галіне народнай асветы як адна з прычын паўстання 1863–1864 гадоў // Паўстанне 1863–1864 гг. у Польшчы, Беларусі, Літве і Украіне: гісторыя і памяць : зб. навук. арт. Мінск, 2014. С. 192–207 [Lych L. M. Anti-national policy of tsarism in the field of education as one of the causes of the uprising of 1863–1864. *Pawstanne 1863–1864 gg. u Pol'shchy, Belarusi, Litve i Ukraine: gistoryja i pamjac'* : zb. navuk. artykulaw. Minsk, 2014. P. 192–207 (in Belarus.)].

Статья поступила в редакцию 17.05.2016.

Received by editorial board 17.05.2016.